

Пространственная модель в героическом тувинском и древнеанглийском эпосе

Ольга И. Просяникова, Ксения В. Скорик, Александр Н. Гребнев

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Российская Федерация

В статье рассматриваются пространственные представления, которые, во-первых, являются базовыми в мыслительном сознании человека, во-вторых, формируют собственную для каждого этноса модель мира. Актуальность исследования определяется необходимостью этноидентификации культурно-исторических концептов в эпоху глобализации, в процессе которой происходит взаимопроникновение культур, порой стирающее этнокультурные черты и архетипичные признаки. Цель исследования — установить языковые средства актуализации пространственных отношений в тувинском и древнеанглийском эпосе.

Исследование производится путем анализа лексем, которые репрезентируют универсальную категорию пространства, важнейшие компоненты которой зародились в архаичной картине мира и запечатлены в эпосе. Такие характеристики пространства, как членение, бинарные оппозиции, параметры измерения, составляют культурный код и определяются факторами и условиями среды обитания, традициями и обычаями. Все это манифестируется в эпических произведениях тувинского и англосаксонского народов и позволяет сформировать архетипичную пространственную модель изучаемого этноса.

В результате исследования было установлено, что пространственные модели мира, отраженные в эпических произведениях тувинцев и англосаксов, принадлежащих различным национально-культурным автономиям, имеют общие черты в представлении мира как трихотомической модели, в ориентации по сторонам света и координатным осям, в бинарной оппозиции между «своим» и «чужим» пространствами. Наряду с этим в тувинском эпосе выделены отличительные признаки в отношении пространственных представлений относительно человеческого тела, размеров пути и величины пространства. Авторы отмечают свойственный тувинским сказаниям символизм цвета в описании сторон света и указание на сакральность локусов. Анализ языковых средств актуализации категории пространства свидетельствует о присутствии каждому этносу собственном восприятии пространства путем его освоения и отражения в мифопоэтической модели мира.

Лингвокультурологический подход к изучению эпических произведений различных по происхождению народов позволяет выявить представления этносов о мироустройстве и их мировоззренческих установках в архаический период развития, в течение которого сформировались основы этнической культуры и этнокультурного духа.

Ключевые слова: эпос; тувинский героический эпос; «Беовульф»; категория пространства; пространственная модель

Для цитирования:

Просяникова О. И., Скорик К. В., Гребнев А. Н. Пространственная модель в героическом тувинском и древнеанглийском эпосе // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 97-124. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.7>

Просяникова Ольга Игоревна — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Адрес: 196605, Россия, г. Санкт-Петербург — Пушкин, Петербургское ш., д. 10. Тел.: +7 (812) 451-94-12, +7 (905) 216-32-23. Эл. адрес: olgapros@mail.ru

Скорик Ксения Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Адрес: 196605, Россия, г. Санкт-Петербург — Пушкин, Петербургское ш., д. 10. Тел.: +7 (812) 451-94-12, +7 (981) 163-60-78. Эл. адрес: ksenyapro@mail.ru

Гребнев Александр Николаевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Адрес: 196605, Россия, г. Санкт-Петербург — Пушкин, Петербургское ш., д. 10. Тел.: +7 (812) 451-94-12, +7 (921) 393-70-34. E-mail: alexweneberg@mail.ru

Spatial model in the Tuvan and Old English heroic epics

Olga I. Prosyannikova, Kseniya V. Skorik, Alexander N. Grebenev

Pushkin Leningrad State University, Russian Federation

The article deals with spatial representations which, firstly, are basic in the human thinking consciousness and, secondly, form each ethnic group's own model of the world. The relevance of the research is determined by the necessity of ethno-identification of cultural and historical concepts in the era of globalization. An interpenetration of cultures, which sometimes erases ethnocultural features and archetypical signs, is typical for this process. The aim of the study is to find out linguistic means of actualizing spatial relations in Tuvan and Old English epics.

The study is carried out through the analysis of lexemes which represent the universal category of space. Its most important components originated in the archaic worldview and are imprinted in the epics. Such characteristics of space as partition, binary oppositions and measurement parameters constitute the cultural code and are determined by factors and conditions of living environment, traditions and customs. All these are manifested in the epic works of Tuvan and Anglo-Saxon peoples and allow to form an archetypical spatial model of the studied ethnos.

As a result of the study it has been found out that the spatial models of the world, reflected in the epic works of the Tuvans and Anglo-Saxons that belong to different national and cultural autonomies, have common features in the representation of the world as a trichotomous model, in orientation to the cardinal directions and coordinate axes, in the binary opposition between "native" and "alien" spaces. At the same time, we can highlight some distinctive features of the Tuvan epos with regard to spatial representations in relation to the human body and parameters of the way and space. The authors note the symbolism of color in the description of the cardinal points of the world and the indication of the sacred places in Tuvan tales. The analysis of the linguistic means of actualizing the category of space shows that each ethnic group has its own perception of space through its assimilation and reflection in the mythopoetic model of the world.

The linguoculturological approach to the study of epics of peoples of different origins allows to reveal ethnoses' ideas about the world order and their world outlooks in the archaic period of development during which the foundations of ethnic culture and ethnocultural spirit were formed.

Keywords: epos; Tuvan heroic epics; "Beowulf"; category of space; spatial model

For citation:

Prosyannikova O. I., Skorik K. V. and Grebenev A. N. Prostranstvennaia model' v geroicheskom tuvinskom i drevneangliiskom epose [Spatial model in the Tuvan and Old English heroic epics]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 97-124. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.7>

PROSYANNIKOVA, Olga Igorevna, Doctor of Philology, Associate Professor; Head, Foreign Languages Department, Pushkin Leningrad State University. Postal address: 10, Peterburgskoe Shosse, 196605 St. Petersburg — Pushkin, Russian Federation. Tel.: +7 (812) 451-94-12, +7 (905) 216-32-23. E-mail: olgapros@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9080-3058

SKORIK, Kseniya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Pushkin Leningrad State University. Postal address: 10, Peterburgskoe Shosse, 196605 St. Petersburg — Pushkin, Russian Federation. Tel.: +7 (812) 451-94-12, +7 (981) 163-60-78. E-mail: ksenyapro@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3198-5765

GREBENEV, Alexander Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Pushkin Leningrad State University. Postal address: 10, Peterburgskoe Shosse, 196605 St. Petersburg — Pushkin, Russian Federation. Tel.: +7 (812) 451-94-12, +7 (921) 393-70-34. E-mail: alexweneberg@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3033-4728

Введение

Взаимопроникновение культур различных этносов, их взаимодействие в силу нарастающих процессов глобализации ставит вопрос о сохранении и фиксации традиционных культур, определении этноидентификаторов, в которых отражается мировоззрение и исторический опыт народа, его этнокультурный дух. Устное народное творчество, представленное эпическими поэмами и героическими сказаниями, содержит этнокультурные смыслы, заложенные в них его создателем — народом. Эти произведения позволяют увидеть архетипичные черты картины мира этноса, в частности, такого ее фрагмента, как пространство, которое сформировалось в результате геополитических и историко-этнографических процессов в определенных природно-географических условиях. Упомянутые факторы стали причинами существующих черт сходства и различий в пространственных представлениях различных этносов. В связи с этим целью статьи является выявление различий и сходств в объективации пространственных архетипов различных по своему происхождению и развитию тувинского и англосаксонского этносов на материале их героических поэм.

Эпические произведения тувинского народа неоднократно становились предметом исследований отечественных ученых Л. В. Гребнева (Гребнев, 1960), С. М. Орус-оол (Орус-оол, 2001), М. В. Ондар¹. Древнеанглийские поэмы «Беовульф», «Битва при Финнсбурге», «Исход» изучались с различных ракурсов как зарубежными, так и российскими исследователями (Elden, 2009; Nagler, 1980; Niles, 2016; Мелетинский, 1975, 1976; Мельникова, 1987; Смирницкая, 1982)². Вопросы организации и концептуализации пространства в картине мира различных этносов рассматривались в рамках изучения фольклорных жанров И. А. Невской (Невская, 2005), А. Н. Кононовым (Кононов, 1978), Э. Л. Львовой (Львова и др., 1988), В. С. Ондар (Ондар, 2016), Н. Я. Сагаан³, Л. Н. Семеновой (Семенова, 2006), Д. М. Токмашевым (Токмашев, 2012).

Сравнительные исследования эпосов проводились в рамках фольклористики С. Ю. Неклюдовым, И. В. Пуховым, И. В. Октябрьской (Неклюдов, 2019; Пухов, 2004; Октябрьская, 2012).

Освоение пространства, его организация и формы обусловлены во многом образом жизни народа. В нашем исследовании анализу подвергаются пространства, формирующие культуру разных в историческом и географическом плане народов, что, на наш взгляд, отражается в мировосприятии и формировании пространственной модели. Англосаксонские племена, обосновавшиеся на острове, географически связаны с морем и, соответственно, в их картине мира важное место занимает море и его освоение — вопросы, становившиеся предметом особого изучения (Кравченко, 2022; Гвоздецкая, 2010). Для народов Алтая, к которым относятся тувинцы, пространством бытия являются горно-степные земли, а кочевой образ жизни, связанный со скотоводством, предполагает активное передвижение по суше. В связи с этим пространственная модель мифологической картины мира каждого этноса, отражающая в языке взаимодействие человека с окружающим миром, формируется в соответствии с природными объектами и историческими условиями. Но, с одной стороны, на формирование пространственных отношений влияет среда, что непременно влечет к различиям в картине мира разных этносов, с другой стороны, познавательная деятельность людей является основой развития человечества, и в этой связи обнаруживаются схожие признаки в восприятии пространства у разных этносов.

Методология и материал исследования

Лингвокультурология способна внести свою лепту в исследование фольклорных произведений, созданных самим народом. Лингвокультурологический метод учитывает участие лексем в моделировании пространственных отношений. Контекстный анализ позволяет увидеть связь языковых единиц в отдельных фразовых единствах и в масштабах всего текста, а также способствует созданию целостной картины пространственных представлений этносов.

¹ Ондар М. В. Особенности языка тувинских героических сказаний (в сопоставительном аспекте): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2020. 302 с.

² См. также: Waller B. S. Metaphorical space and enclosure in old English poetry : A dissertation presented to the Department of English and the Graduate School of the University of Oregon in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. [Eugene, OR], 2013. ix, 277 p. URL: https://scholarsbank.uoregon.edu/xmlui/bitstream/handle/1794/17893/Waller_oregon_0171A_10858.pdf (дата обращения: 29.05.2023).

³ Сагаан Н. Я. Система средств выражения пространственных отношений в тувинском языке : дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2008. 140 с.

В качестве материала исследования англосаксонского эпоса были взяты «Беовульф», единственное целиком сохранившееся произведение англосаксонского героического эпоса, созданного в конце VII или в начале VIII в., и «Битва при Финнсбурге» (сохранившийся фрагмент из 48 строк), предположительно созданный в X–XI вв. По мнению О. А. Смирницкой, для поэзии англосаксов была характерна «универсализация эпической формы, т. е. распространение ее на малые жанры», которая «имела своим закономерным следствием эпизацию этих последних» (Смирницкая, 2008: 330). В качестве иллюстрируемого материала на древнеанглийском языке был взят текст «Беовульфа» по билингвальному изданию Х. Д. Чикеринга¹. Что касается перевода на русский язык, то существует единственный полный поэтический перевод В. Г. Тихомирова, опубликованный в 1975 г.²

Героический эпос тувинского народа представлен в исследовании сказаниями «Хунан-Кара» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей», признанными лучшими образцами устного эпического творчества и вошедшими в академическое издание «Памятники фольклора народов Сибири и дальнего Востока»³.

Пространственная модель мира в эпических произведениях

Многочисленные исследования пространственных отношений сформировали целостный взгляд на эту категорию и выделили черты, отражающие архаические представления, которые наблюдаются в эпических произведениях: организация пространства по вертикальной и горизонтальной оси, сакральный центр, концентрическое расположение отдельных миров (Топорова, 1994; Кравченко, 2004). Мифологическое пространство, сформированное на раннем этапе развития человеческого сознания, характеризуется, по мнению Т. В. Топоровой, такими чертами, как организованность и идентичность. Природа восприятия пространства такова, что в основе представлений о пространстве лежат признаки «далекий — близкий, «отделение — соединение», «покой — движение», «круг» и др. (Топорова, 1994: 136–138).

Героический мир мифов формировался в реальных условиях существования, и географические (ландшафтные) приметы эпического пространства являются отражением этих условий (Мельникова, 1987: 91). По этой причине мифологическое пространство любого этноса отражает реалии окружающего мира.

Герой эпоса как центральный персонаж находится в движении, он совершает подвиги, поступки, осваивая таким образом пространство, и ощущает себя в центре мира. Именно с его позиции чаще всего определяется пространство в виде концентрически расположенных зон (Неклюдов, 2000: 19). Для формирования целостного представления о мифологическом пространстве в тувинском и англосаксонском эпосах исследуемая категория рассматривается в соответствии с дифференциальными характеристиками этой структуры, к которым относятся горизонтальное / вертикальное пространство, представляющие координатные оси, трихотомическая модель, ориентация по частям света, бинарная оппозиция «свое — чужое» пространство, размеры пространства.

Пространство горизонтальное / вертикальное

Горизонтальное и вертикальное пространства являются базовыми понятиями и носят антропоморфный характер исключительно потому, что эти координатные оси обусловлены осознанием человеком своего бытия. Ось «верх — низ» сопряжена с каноническим положением человеческого тела относительно земли. Именно в этом положении осуществляется движение и возникают оси фронтальные и латеральные, которые играют значимую роль в когнитивной деятельности, поскольку по этим осям осуществляется визуальное восприятие (Кравченко, 2004: 36–37).

¹ Beowulf. A dual-language edition / transl. and with an introd. and comm. by H. D. Chickering, Jr. New York: Anchor Books, 2006. xiv, 464 p.

² Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / ред. С. Шлапоберская. М.: Изд-во Художественная литература, 1975. 752 с. Далее древнеанглийский текст «Беовульфа» и русский перевод цитируется с указанием строк по этим изданиям, напр.: (Beowulf: 1412–1417) и (Беовульф: 1412–1417).

³ Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, Сибирское предприятие РАН, 1997. Т. 12: Тувинские героические сказания = Тыва улустун маадырлыг тоолдары. Хунан-Кара, Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей / отв. ред. тома В. М. Гацак. 584 с. Далее цитируется в тексте с сокращением, напр.: (ТГС: 128–131).

Горизонтальная и вертикальная оси в тувинском эпосе представлены лексемами *мурнунда* ‘вперед’, *соонда* ‘позади’, *өрү-куду* ‘вверх и вниз’, ‘*алды*’ ‘нижний’, *үстүү* ‘верхний’, в древнеанглийском лексемами *beforan* ‘вперед’, *ofer*, *under* ‘над, под’.

(1)	Эр кижиг аян-чорук чораанда, Бир мурнундува көөр, Бир соондува көөр! ¹	Мужчина в дороге-пути То посмотрит вперед , То посмотрит назад! (ТГС: 128–131).
(2)	Мооруй кырлаң кырынга, Базып үне бергеш, Өрү-куду көргүлөп, Эзеп каап кылаштап турарга <...>.	На мооруи-хребет, Отправившись, поднялся. Вниз, вверх поглядывая, Ходит, позевывая (ТГС: 320–321).
(3)	He feara sum beforan gengde wisra monna wong sceawian oþþæt he færinga fyrngenbeamas ofer harne stan hleonian funde, wynleasne wudu. Wæter under stod dreorig ond gedrefed (Beowulf: 1412–1417).	<...> вождь — впереди, а старейшины ехали сзади, дабы не сбиться со следа, вдруг перед ними явились кручи, склоны, поросшие мрачным лесом, камни замшелые, а ниже — волны, кипящие кровью (Беовульф: 1412–1417).
(4)	Lastas wæron æfter waldswaþum wide gesyne, gang ofer grundas, gegnum for ofer myrcan mor... (Beowulf: 1402–1405).	Ног отпечатки, тропа тореная вела по равнине, путь указуя в лесную чащу, к сумрачным топям... (Беовульф: 1402–1405).

В тувинских героических сказаниях выявлена такая особенность, как большое число языковых фиксаций пространственных осей, непосредственно связанных с описанием человеческого тела:

(1)	<...> Алдан кижиг Карара каткылаан, Үстүү дигинде Үжен кижиг Карара каткылаан Маңнажып олуруп-турлар. Өктек кара чаваазындан Дүже халып турган иргин.	На их нижних зубах Высохли, почернев, Шестьдесят человек, На их верхних зубах Высохли, почернев, Тридцать человек (ТГС: 150–151).
(2)	Оң чартыкы эктинге хонуп, Кыңгыргайның ээзи кыс ала эзир ужуп келгеш, Солагай талакы эктинге хонуп, Эвирип-чавырып олуруп-турлар эвеспе.	На правое плечо ей опустился, Владыка Кыңгыргая — пегаля орлица прилетела, На левое плечо ей опустилась, Опустив, сложив [крылья], сели (ТГС: 328–329).

¹ Здесь и далее полужирный шрифт наш. — Авт.

Пространственные оси одинаково представлены в обоих эпосах, но в тувинских поэмах наблюдается фиксация относительно тела человека.

Трихотомическая модель пространства

Модель мирового дерева как центральной фигуры в космической модели с трихотомическим делением на небо, землю и подземный мир была предложена В. Н. Топоровым (Топоров, 2010ab). Концепция о трех мирах воплощена и в тувинском, и в англосаксонском эпосах, что свидетельствует о сходстве в представлениях о трехуровневом строении мира.

В картине мира тувинского этноса существуют взаимосвязанные между собой по вертикали Верхний, Средний и Нижний миры. В Среднем мире человек живет, после смерти опускается в Нижний мир, в котором происходит очищение и поднимается в Верхний мир. В англосаксонской модели также существуют три уровня — Небо (Рай), Земля и Ад. Связь миров отражается в мифопоэтической картине мира, представленной в эпосе.

В тувинских сказаниях Средний мир лежит в горизонтальной плоскости и имеет очень детальное описание ландшафта эпического мира, наполненного географическими / топонимическими реалиями — *даг* ‘гора’, *оран* ‘страна, земля’, *хову* ‘степь’, *оргулааш* ‘равнина’ (1–3), водными объектами — *хем* ‘река’, *хөл* ‘озеро’, *далай* ‘море’ (4–6), горными образованиями — *даг* ‘гора’, *хая* — ‘скала’, *чалым* ‘утес’, *туруг* ‘отвесная скала, утес’, *кырлаң* ‘небольшой горный хребет’, *тайга* ‘тайга, высокогорье’, *таңды* ‘высокая гора, высокогорная тайга’, *тей* ‘холм’ (7–14):

(1)	Шил-Даг, Шилен-Дагны чурттап турар Далай-Байбың хаан деп Хаан турган иргин ийин.	В краю, где [горы] Шил-Даг, Шилен-Даг , Жил хан по имени Далай-Байбын-Хан (ТГС: 54–55).
(2)	Ховунуң-на Ховузуңга чоруп олурарга...	Когда ехал По безлюдной степи... (ТГС: 120–121).
(3)	<...> Шөл бооп-даа, Оргу чаагай Оранга кээрге...	<...> А попадут В край равнинный привольный... (ТГС: 218–219).
(4)	Чеди хемни -даа кайын кежип, Чеди артты-даа кайын ажар.	Семь рек пересечь? Разве семь перевалов преодолеть? (ТГС: 188–189).
(5)	Бедик кара таңды кырынга үне хап кээрге, Ындында улуг ак хөл чыткан.	— На высокую черную гору прискакала, [видит:] Вдали большое светлое озеро (ТГС: 332–333).
(6)	Далай-таңды кежип, Таңды чемижи болган...	Моря-горы обошедший, [Почти] ставший пищей горы... (ТГС: 88–89).
(7)	Даң бажы шара-хере, Даш бажы кара-шокар хиреде...	Когда забрезжил рассвет И вершины гор темно-пестрыми стали... (ТГС: 76–77).
(8)	<...> Арга чартыының Ак хаязын , Мээс чартыының Кара хаязын ...	<...> То вы белую скалу С лесистой стороны, Черную скалу С солнечной стороны <...> (ТГС: 68–69).
(9)	<...> Кызыл чалым баарының үдүн, Куюн бакылап дилеп чорааш, Ханы кара куюн тыпкаш...	<...> Перед красным утесом в углубленья-пещеры Заглядывая, искали... (ТГС: 316–317).
(10)	<...> Көрүп олурарга, Кызыл туруг ышкаш...	<...> С южной стороны ставки-дворца [С ограждением] наподобие красных утесов ... (ТГС: 272–273).

(11)	<...> Мооруй кырлаң кырынга, Базып үне бергеш...	<...> На мооруи-хребет , Отправившись, поднялся (ТГС: 320–321).
(12)	<...> Тайга -таңды ышкаш...	<...> Ростом с высокою гору-тайгу ... (ТГС: 106–107).
(13)	<...> Далай-таңды кежип, Таңды чемижи болган...	<...> Моря-горы обошедший, [Почти] ставший пищей горы ... (ТГС: 88–89).
(14)	<...> Болчатылыг тей хирелиг кыннып кээрде...	<...> И сама она с холм Болчаты стала... (ТГС: 396–397).

Разнообразие лексических единиц, обозначающих горные образования, позволяет сделать вывод о значимости для тувинцев этого пространственного элемента. Кроме того подтверждается и сакральность этого локуса:

(1)	<...> Айның чаазында, хүннүң экизинде Ыдык бора тейниң кырынче Хап үне бергеш, дагылгазын дагып ...	<...> И в новолуние — лучший из дней — На священный серый холм Прискакал, совершил поклонение (ТГС: 472–473).
(2)	<...> Хопчу каразынга база өөренип, Таңды, тайга дагылгазын болгаш Адазының хамык чоруун ол кылып...	<...> Горам-тайгам поклонялся — Все, что и отец его, делал, оказывается... (ТГС: 500–501).

В англосаксонской модели мира Средний мир имеет лексическое выражение *middan-geard* < *midde* ‘земля, мир, вселенная’ + *geard* ‘двор, поселение’, здесь происходит слияние вертикальной и горизонтальной оси (Брунова, 2007: 35). Средний мир является миром людей, их земель, он находится между небом и землей и локализуется в поэме предложными сочетаниями *under wolcnum* ‘под небом’, *under swegles* ‘под небесами’, а по горизонтальной оси — *sæm tweonum* ‘от моря до моря’:

(1)	Swa ic Hringdena hund missera weold under wolcnum ond hig wigge beleac manigum mægþa geond þysne middangeard , æscum ond ecgum, þæt ic me ænigne under swegles begong gesacan ne tealde. Hwæt, me þæs on eþle edwenden cwom... (Beowulf: 1769–1774).	Пять десятков зим я под сводом небесным правил данами, утверждая оружием их могущество в этом мире между многих племен , и тогда возомнил, будто нет мне под небом недруга. Но пришла беда (в мой дом)! (Беовульф: 1769–1774).
(2)	<...> þone selestan bi sæm tweonum ... (Beowulf: 1956).	<...> так я слышал, — от моря до моря ... (Беовульф: 1956).

Кроме обобщенного пространства, обозначаемого лексемой *middan-geard* ‘срединный мир’, выделены лексемы *eorðe* ‘земля как место обитания людей’ (1), *land* ‘суша, страна’ (2), *eþel* ‘родная земля’ (3):

(1)	Nǣfre ic mǣran geseah earl ofer eorðan ... (Beowulf: 247–248).	И я ни в жизни не видел (на земле) витязя сильней и выше... (Беовульф: 247–248).
(2)	<...> þē on land Dena lāðra nǣnig mid scipherge sceðþan ne meahte (Beowulf: 242–243).	<...> но не упомяну, чтобы чужая дружина вышла на этот берег так, без опаски... (Беовульф: 242–243).
(3)	<...> ðonon hē gesōhte swǣsne ēþel , lēof his lēodum, lond Brondinga, freoðo-burh fægere... (Beowulf: 520–523).	<...> брошенный бурей к норвежскому берегу, он возвратился в свои владенья , в земли Бродингов, в дом наследный где правит поныне... (Беовульф: 520–523).

Представления о мире в целом и своего края в частности передаются в поэме строками, которые объясняют сотворение мира и упоминают его создателя:

<...> Ælmihtiga eorðan worhte, witebeorhtne wang swā wæter bebūgeð gesette sigehrēþig sunnan ond mōnan lēoman tō lēohte land-būendum ond gefrætwaðe foldan scēatas leomum ond lēafum lifēac gesceōp cynna gehwylcum þāra ðe cwice hwyrfað (Beowulf: 92–98).	<...> пел он о том, как Создатель устроил сушу — равнину , омытую морем , о том, как Зиждитель упрочил солнце и месяц на небе , дабы светили всем земнородным , и как Он украсил зеленью земли, и как наделил Он жизнью тварей, что дышут и движутся (Беовульф: 92–98).
--	--

Если содержательная сторона описания пространства среднего мира в тувинском эпосе насыщена разнообразными объектами, то в «Беовульфе» такого разнообразия не наблюдается. Об окружающем пространстве суши можно судить по немногочисленным описаниям путешествий, в которых пространство наполняется скалами, деревьями, покрытыми лесом горами:

(1)	<...> oþþæt hē fǣringa fyrgeþ-bēamas ofer hārne stān hleonian funde, wyn-lēasne wudu ... (Beowulf: 1414–1416).	<...> вдруг перед ними явились кручи, склоны, поросшие мрачным лесом , камни замшелые... (Беовульф: 1414–1416).
-----	---	--

(2)	<p><...> no hie fæder cunnon, hwæþer him ænig wæs ær acenned dyrnra gasta. Hie dygel land warigeað, wulfhleoþu, windage næssas, frecne fengelad, ðær fyrgeþ-stream under næssa genipu niþer gewiteð, flod under foldan (Beowulf: 1355–1361).</p>	<p><...> и кто был их предком из темных духов, и где их жилище — люди не знают; по волчьим скалам, по обветренным кручам, в тумане болотном их путь неведом, и там, где стремнина гремит в утесах, поток подземный... (Беовульф: 1355–1361).</p>
-----	---	---

В поэме прослеживается сильная связь с морем, которое для германских племен имело огромное значение. Они были морскими путешественниками и совершали военные походы по морю, что объясняет присутствие в тексте большого количества наименований водной стихии, которые составляют синонимическую систему: *mere* ‘море стоячее’ (1), *brim* ‘море, прибой, край моря’ (2), *flōd* ‘поток, река, море’ (3), *sæ* ‘море, озеро’ (4), *holm* ‘море’ (5), *sund* ‘море’ (6):

(1)	<p><...> þær git eagor-stream earmum þehton, mæton meres-træta, mundum brugdon, glidon ofer garsecg... (Beowulf: 513–515).</p>	<p><...> не мог отворотить вас от дикой затеи соперничать в океане. Пучин теченья сеча руками, взмахами меряя море-дорогу... (Беовульф: 513–515).</p>
(2)	<p>Hi hyne þa ætbæron to brimes faroðe, swæse gesiþas, swa he selfa bæd... (Beowulf: 28–29).</p>	<p>Тело снесли его слуги любимые на берег моря, как было завещано... (Беовульф: 28–29).</p>
(3)	<p>Flōd blōde wēol... (Beowulf: 1422).</p>	<p>Видели воины, как омут вспенивался горячей кровью... (Беовульф: 1422).</p>
(4)	<p>Ða wit ætsomme on sæ wæron... (Beowulf: 544).</p>	<p><...> вместе держались в опасных водах... (Беовульф: 544).</p>
(5)	<p><...> hæfde him on earme eorla þritigra hildegeatwa þa hē tō holme stāg (Beowulf: 2361–2362).</p>	<p><...> и тридцать тяжких вынес доспехов на берег моря... (Беовульф: 2361–2362).</p>
(6)	<p>Sona wæs on sunde se þe ær æt sæcce gebad wighryre wraðra, water up þurhdeaf... (Beowulf: 1618–1619).</p>	<p><...> и в путь обратный он, невредимый чудищеборец, пустился в пучинах... (Беовульф: 1618–1619).</p>

Такое многообразие лексем и композитов с компонентами *mere*, *brim*, *sæ*, *flōd*, описывающих водное пространство, водную стихию, объясняется местом обитания на острове и мореплаванием как важным занятием и видом передвижения. Лексемы имеют различные контекстуальные коннотации, приобретаемые в дополнение к их оригинальным значениям.

Поскольку место обитания этносов в полной мере отражается в описании эпического пространства, то определяется яркая картина географического пространства, открываются особенности в его восприятии, выявляется значимость объектов.

Верхний и нижний миры составляют мифическое пространство. В отличие от Среднего мира, в котором человек живет, эти миры ассоциируются с божественным, чудотворным и сверхъестественным началом. Восприятие вертикальности пространства глубоко символично для архаического сознания, поскольку в нем присутствует разделение на три уровня, и герой может проникать в эти слои в ходе сюжета.

Слово «верхний» указывает на его местонахождение наверху, в направлении к небу, выше облаков, во Вселенной. Лексические единицы, описывающие верхний мир в тувинских героических поэмах, имеют четкое обозначение и фиксируют уровень этого мира — *дээр* ‘небо, небесный’, *каптагай* ‘мир, вселенная’, *үстүү оран* ‘миф. верхний мир’:

(1)	<...> <i>Дээрниң</i> делгеми-биле, Дээлдигенның дезии-биле Алдырбайн туруп-тур. <i>Кажыктаптар дээрге</i> , Каптагайның делгеми-биле Хартыганың кашпагайы-биле Алдырбайн турган иргин ийин.	<...> В небесном просторе. Только собрался [как] бабку [-кость] швырнуть, [Тот] увернулся С проворством ястреба в просторе Вселенной (ТГС: 220–221).
(2)	Үстүү оранда Үжен үш дээрлерниң үстүнде Эр, кыс ийи Кара дастың Чүүн эккелгештин, Хырайлыкпас дээштиң, Үш аданың дужундан тура Үжүнүң үш согунун Үстүкү чүү деп кылдыртып туруп-тур.	Принесли перья Двух черных грифов — Самца и самки, [Летающих] в Верхнем мире Над тридцатью тремя небесами. Велел сделать из них верхнее оперение Трех стрел, Чтобы не выпадало оно... (ТГС: 108–109).

В англосаксонском эпосе верхний мир также ассоциируется с небом и обозначается в поэме несколькими лексемами: *heofon* ‘небо, небесный свод’, *swegl* ‘небеса, небо’, *rodor* ‘эфир, небеса’, *wolcen* ‘небо, облака’, *wuldor* ‘небеса’. Небо ассоциируется с всемогущим существом, который властвует над миром, является местом пребывания Бога, божества. Связь с этим миром незрима, но сильна. Скильд Скевинг получил власть от неба (1), его сын получил славу от небесного покровителя (2):

(1)	<...> he thaes frofre gebad, Woes under wolcnum , worth-myndum thah... (Beowulf: 7–8).	<...> в детстве, найденыш, ему воздалось: стал разрастаться властный под небом... (Беовульф: 7–8).
(2)	<...> him thaes Lif-frea, wuldres Wealdend , worold-are forgeaf... (Beowulf: 16–17).	<...> их гибель и скорби в век безначалия, — от Вседержителя вознаграждение, от Жизнеподателя благонаследие... (Беовульф: 16–17).

Тесная связь земли как среднего мира и неба как верхнего мира прослеживается в контексте относительно земли. Местонахождение локализуется через предложное сочетание *under roderum* ‘под небом’, *ofer landa* ‘над землей’ (1), *under heofenes* ‘под небесами’ (2), *under swegles* ‘под небосводом’ (3):

(1)	<p><...> þæt wæs foremaērost foldbūendum receda under roderum on þaēm se rīca bād līxte se lēoma ofer landa fela (Beowulf: 309–311).</p>	<p><...> в холмах воссияла златослепящая кровля чертога, жилища Хродгара: под небом не было знатней хоромины, чем та, озарявшая окрестные земли (Беовульф: 309–311).</p>
(2)	<p><...> reced selesta, rinca gehwylcum idel ond unnyt, siððan æfenleoht under heofenes hador beholen weorþeð (Beowulf: 412–414).</p>	<p><...> морские странники о том мне поведали, что дом дружинный, тобой построенный, чертог обширный пустеет вечером, чуть солнца на небе померкнет слава (Беовульф: 412–414).</p>
(3)	<p><...> maērðo maēned monig oft gecwæð þætte sūð nē norð be saēm twēonum ofer eormengrund oþer naēnig under swegles begong sēlra naēre rondhæbbendra, rīces wyrðra (Beowulf: 857–861).</p>	<p><...> они возглашали: да славится Беовульф под этим небом! — нет другого от моря до моря на юг и на север земли срединной, кто бы сравнился... (Беовульф: 857–861).</p>

В тувинском эпосе в верхнем мире (*үстүү оранда*) обитают духи и помощники, которые и духовно, и физически помогают обрести смысл жизни, преодолеть препятствия, совершить подвиг, принять решение:

(1)	<p><...> Үстүү оранда Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара мөге деп кижн-биле Адаан-мөөрей, Адыг-чарыш кылып, Дүжеп хондум, Коргуп тур мен...</p>	<p><...> С человеком по имени Хунан-Кара-моге, Имеющим коня Арзылан-Кара, [Из] Верхнего мира. Увидел я сон, Испугался! (ТГС: 282–283)</p>
(2)	<p>Сеңээ мен Үстүү орандыва Аът бапгыг Ачын бора хартыга бооп алгаштың, Бир ай хиреде кылыгып Чеде бергештиң, Шулбу хааны-биле сен ийиже Дүш берип-ле турган болгай мен...</p>	<p>Это же я, Обратившись в серого сокола-ястреба С конской головой, В Верхнем мире С месяц летела, Прилетев, На хана-шулбу и на тебя Сон напустила... (ТГС: 294–295).</p>

В поэме «Беовульф» верхний мир — это место обитания Бога, который властвует и покровительствует:

(1)	<...> þone God sende folce tō frōfre fyrenðearfe ongeat... (Beowulf: 13–14).	<...> сын престола, наследник родился, посланный Богом людям на радость... (Беовульф: 13–14).
(2)	<...> swylc him God sealde, buton folcscare ond feorum gumena (Beowulf: 72–73).	<...> все, чем богат был по милости Божьей , — только земля неделима и войско едино (Беовульф: 72–73).
(3)	<...> Fæder alwalda mid årstafum ēowic gehealde sīða gesunde! (Beowulf: 316–318).	<...> Отец Вседержитель да будет с вами! Дай Бог вам силы в грядущих сражениях! (Беовульф: 316–318).
(4)	Hine halig God for arstafum us onsende, to Westdenum... (Beowulf: 381–383).	Бог Всеблагой направил к данам, послал, Милосердный, этого мужа... (Беовульф: 381–383).
(5)	<...> ond siþðan witig God on swa hwæþere hond, halig Dryhten , mærdō deme, swa him gemet þince (Beowulf: 685–687).	Над нами Божий , Господень свершится суд справедливый — да сбудется воля Владыки Судеб! (Беовульф: 685–687).

Нижний мир у обоих этносов представлен как пространство, связанное с отрицательным началом, царством мертвых, потусторонним миром. В мифологическом сознании он находится под землей, а его обитатели живут в пещерах и провалах.

В тувинских сказаниях нижний мир (*алды оран* ‘миф. подземный мир’) населяют страшные существа, угрожающие уничтожить героя:

<...> Аксын-сөзүн алыр, Өлүрер-чидирер чүме-даа Чок болган туруп-тур эвеспе аан. Алды орандан, Чер аксындан Хола-хола хаайлыг, Хола-хола дыргактыг, Хола-хола Чыда-селемезин туткулаан, Куруяктары Кыңгырткайндыр төктүп үнгүлөп Келген туруп-тур. Арзылаң-Кара Дешкилевишаан баргаштың, Каң-болат буду-холу-биле Алды орандыва Өрттендир-хуюкталдыр Теп кирипкен туруп-тур эвеспе аан.	Дать бы [последнее] слово ему И убить, извести, Но оказалось: ничего от него не осталось. А из Нижнего мира, Из провала в земле С шумом-бряцанием Стали толпами выходить Старухи С медными-медными рылами, С медными-медными когтями, Медные-медные Копья, сабли держа. Арзылан-Кара на них Во всю свою прыть бросался, Булатно-стальными копытами, Спялая-сжигая, Давил их, оказывается, загонял В Нижний мир (ТТС: 232–233).
--	---

Нижний мир в «Беовульфе» маркируется лексемой *hel* ‘ад’:

(1)	Swā ðā driht-guman drēamum lifdon, ēadiglice, oððæt ān ongan fyrene fremman feond on helle (Beowulf: 99–101).	Счастливо жили дружинники в зале, пока на беду им туда не явилось ада исчадие <...> (Беовульф: 99–101).
(2)	<...> þæs þū in helle scealt werhðo drēogan... (Beowulf: 588–589).	<...> что ты убийца своих сородичей, братьев кровных — проклятье ада ... (Беовульф: 588–589).

Поскольку нижний мир в англо-саксонской поэме описывается как вместилище злых духов, монстров, чудовищ, то к лексемам, детерминирующим этот мир, можно отнести и такие, как *hrūse* и *grund* ‘земля’, встречающиеся в сочетаниях с предлогом *under* ‘под’, *on* ‘в’, *eorðsele* ‘подземелье’, *blaw* ‘могила’ (1). Место обитания потусторонних сил (*geosceaftgasta* ‘проклятый дух’) связано не только с подземным миром (2), но и подводным (*grundhyrde* ‘владычица бездны’, *meredēor* ‘морское чудовище’) (3, 4):

(1)	He ofer willan going to ðæs ðe he eorðsele anne wisse, hlaw under hrusan holmwylme neh... (Beowulf: 2409–2411).	<...> он вел дружину к тому подземелью, к холму, что высылся близко от бурных вод... (Беовульф: 2409–2411).
(2)	þanon woc fela geosceaftgasta ; wæs þæra Grendel sum... (Beowulf: 1265–1266).	<...> и там породил многих проклятых существ, подобных Гренделю-волку ... (Беовульф: 1265–1266).
(3)	Ic ða ðæs wælm es, þe is wide cuð, grimne gryreligne grundhyrde fond... (Beowulf: 2135–2136).	Там, на дне морском, отыскал я злоизвестную вод владычицу ... (Беовульф: 2135–2136).
(4)	<...> fornam mihtig meredēor þurh míne hand. Swa mec gelome lað-geteonan þreatedon þearle (Beowulf: 557–560).	<...> когда морежитель , стиснув когтистыми лапами тело, вдруг потащил меня в глубь океана ... (Беовульф: 557–560).

Представление пространства в виде трех миров имеется у обоих этносов, что наглядно отражено в поэмах. Тем не менее можно судить о том, что ландшафтные элементы среднего мира в значительной степени превалируют в тувинском эпосе. Они в полной мере демонстрируют специфику окружающего мира природы, значимость гор, рек, тайги для жизнедеятельности людей, освоение ими пространства и подчинение его своему жизненному укладу. В англосаксонском эпосе место обитания иллюстрируется скудно, в большей степени акцент делается на описание жилища. Верхний мир для обоих этносов соотносится с вышними силами, нижний — с царством мертвых и чудовищ. В силу географических особенностей обитания в «Беовульфе» нижний мир населяют морские монстры, в тувинском эпосе — подземные чудовища.

Ориентация по сторонам света

Наряду с пространством по координатным осям концептуальным является естественное для человека членение пространства на четыре части в соответствии со сторонами света. Такая ориентация

в пространстве имела как сакральное, так и практическое значение. Большую роль при этом играет менталитет и культура этноса. Места для поклонения, жертвоприношений, погребений и исполнения различного рода религиозных и культовых действий выбирались с учетом ориентационных принципов, жилища сооружались в зависимости от стороны света, ориентация по сторонам света использовалась на охоте, в походах и разного рода перемещениях по земле и воде. В заговорах и других жанрах фольклора мы наблюдаем ориентацию по сторонам света, которая учитывалась при отправлении ритуала, в обращении к сторонам света в заклинаниях. Система координат при таком членении основывалась на наблюдении за солнцем и его движением по небосклону. Солнце присутствует в семантике названий сторон света в различных языках (Подосинов, 1999: 26). Этимология терминов выявила значение англ. *east* — от индоевр. *ausos* ‘утренняя заря’, также существует предположение о происхождении англ. *south* ‘юг’ от герм. *sunnon* ‘солнце’.

Многочисленные источники, в том числе обряды и ритуалы, зафиксировали четырехчленное ориентирование у германского этноса, к которому принадлежат англосаксы, сохранившие связь с пракультурой¹.

А. В. Подосинов отмечает, что культура народов Южной Сибири — это результат сложного синтеза мира охотников и скотоводов, в связи с чем в развитии ориентационной традиции наблюдались изменения на определенных этапах (Подосинов, 1999: 416). В сказаниях встречаются многочисленные указания на различные стороны света, которые в большинстве случаев определяют местоположение объекта и указывают направление: *чиге соңгу чүк* ‘прямо на север’ (1), *чиге мурнуу чүк* ‘прямо на юг’ (2), *чиге барыын чүк* ‘прямо на запад’ (3), *чөөн чүк* ‘восточная сторона’ (4):

(1)	Чиге соңгу чүктен Чиге буруңгаар чоруп турар.	<...> Прямо с северной стороны Прямо в далекую сторону едут (ТГС: 94–95).
(2)	<...> Чиге мурнуу чүгүн шиглээш, Хап-ла каап-тыр.	<...> Направившись прямо в южную сторону , Поскакала (ТГС: 330–331).
(3)	<...> Чиге барыын чүкте Сарындай-Сарыг хаан деп кижиге-биле...	<...> С человеком по имени Сарындай-Сарыг-хан, Живущим прямо в западной стороне... (ТГС: 506–507).
(4)	<...> Ырак эвес чөөн чүкте...	<...> Недалеко [отсюда] — в восточной стороне... (ТГС: 472–473).

Восточная и южная стороны в сознании тувинцев считались благоприятными. Вход в юрту, например, по обыкновению находился с востока. Об отношении тувинцев к северу как к стороне, несущей опасности и неприятности, пишет М. Б. Кенин-Лопсан (Кенин-Лопсан, 1987: 27), Л. Д. Хертек (Хертек, 2018). Например, в тувинском героическом сказании «Хунан-Кара» одна из «смертных душ» антагониста главного героя — Кара-Когел-хана, дарующая бессмертие его земному телу, спрятана в темной пещере «черной, как ночь, горы» на северной стороне:

Силернин өлүр тыныңар, Сүү-сүнезинеңер, Сүлде-сагызыныңар Чүде болур чүмел? <...> Бир сүлде-сүнезиним — <...> Чиге соңгу чүкте...	Ваши смертные души, Заветные души, Хранители вашей жизненной силы В чем находятся? <...> Одна душа моей жизненной силы <...> Прямо на северной стороне... (ТГС: 284–287).
---	---

В работах А. Н. Кононова отмечается символика цвета в названиях сторон света: черный цвет соотносится с севером, красный — с югом, голубой — с востоком, белый — с западом (Кононов, 1978:

¹ Брунова Е. Г. Архаичные пространственные отношения в англосаксонской языковой модели мира : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 42 с. С. 26–27.

160). В текстах тувинского эпоса выделены следующие примеры с символикой цвета: черный цвет (*кара*) соотносится с севером (1, 2), красный (*кызыл*) с югом (3), желтый (*сарыг*) с востоком (4):

(1)	Чиге соңгу чүгүнде Караңгы-ла кара дүн дүже берген.	Прямо в северной стороне Темная-черная ночь наступила... (ТГС: 84–85).
(2)	<...> Чиге соңгу чүктен Кара шиижек кушкаш ужуп...	[Тут] прямо с северной стороны Черная пташка-чиж прилетела... (ТГС: 90–91).
(3)	Өреге кырынга Ак ас бооп алгаштың, Көрүп олурарга, Кызыл турут ышкаш, Кода-хүрээзиниң мурнундан Чеди бөрүнү эдерткен, Ийи-үш карактыг Ай, хүн ышкаш Чырыткыланьп чоруп олурар, Шулбунуң кадыны Чоруп олуруп-тур эвеспе аан.	Сияющая, Словно солнце-луна, Ханша-шулбу С двумя-тремя глазами Идет, оказывается, С южной стороны ставки-дворца [С ограждением] наподобие красных утесов , Ведя за собой семь волков (ТГС: 272–273).
(4)	<...> Даң бажы шара-хере, Даш бажы сарыг-шокар чорда...	<...> Когда забрезжил рассвет, Вершины гор, посветлев, желтыми стали... (ТГС: 396–397).

В ходе анализа текста поэмы «Беовульф» были выявлены лишь единичные эпизоды, в которых встречаются названия всех сторон света. По этой причине напрашивается вывод о том, что в отличии от ритуальных текстов членение пространства в соответствии со сторонами света не имело существенного значения для развития сюжетных мотивов, чему находится подтверждение в поэмах «Беовульф» и «Битва при Финнсбурге».

В поэме все названия сторон света присутствуют в составе наименований данов — *West-Dene*, *Ēast-Dene*, *Norð-Dene*, *Sūð-Dene*. Как указатель стороны света «запад» не упоминается ни разу, *norð* ‘север’ употребляется в сочетании *norþanwind* ‘северный ветер’ (1) и в эпизоде битвы с Гренделем (2), *east* ‘восток’ встречается при описании состязания Беовульфа с Брекой (3):

(1)	<...> fif nihta fyrst oþ þæt unc flōd tōdráf wado weallende wedera cealdost, nīpende niht ond norþanwind ... (Beowulf: 545–547).	<...> вместе держались в опасных водах, рядом плыли пятеро суток, покуда буря и сумрак ночи, северный ветер ... (Беовульф: 545–547).
(2)	<...> maērðo maēned monig oft gecwæð þætte sūð nē norð (Beowulf: 857–858).	<...> нет другого от моря до моря на юг и на север ... (Беовульф: 857–858).
(3)	<...> Leoht eastan com, beorht beacen Godes ; brimu swaþredon, þæt ic sænæssas geseon mihte, windige weallas (Beowulf: 569–572).	Божий светоч взошел с востока , утихла буря , и я увидел источенный ветром скалистый берег ... (Беовульф: 569–572).

В тексте поэмы восток предстает в положительном контексте как свет с востока, откуда приходит избавление. Германская культура относится к восточноориентированной, что отражается в представлении востока благоприятной стороной света, с ней связан восход солнца как символа жизни, благодати, возрождения, энергии и добра.

Название *sīð* ‘юг’ встречается в тексте трижды, и контекст позволяет сделать вывод о положительном восприятии юга. Беовульф предвидит пир за победу над Гренделем, когда солнце засияет с юга (1); Беовульф возвращается после одержанной победы, освещаемый лучами солнца с юга (2):

(1)	<...> tō medo mōdig siþþan morgen-lēoht ofer ylða bearn ðþres dōgores sunne sweglwered sūþan scīneð! (Beowulf: 604–606).	Завтра поутру, когда над миром зажжется светоч, солнце на небе явится ясное (с юга. — <i>Авт.</i>)... (Беовульф: 604–606).
(2)	<...> woruld-candel scan sigel sūðan fus. Hi sið drugon... (Beowulf: 1965–1966).	<...> светоч небесный, солнце с полдня тропу озаряло (с юга. — <i>Авт.</i>) (Беовульф: 1965–1966).

Учитывая общее происхождение англосаксов и скандинавских этносов, можно обобщить их благоприятное отношение к югу, который ассоциировался у этих народов с теплом и светом, в связи с чем и дома в исландских поселениях имели вход с юга (Подосинов, 1999: 353).

В обоих эпосах присутствуют лексемы, обозначающие стороны света, однако в тувинских поэмах наблюдаются многочисленные свидетельства использования сторон света в описании местности, происходящих событий, местоположения жилья, героя и его передвижения, что говорит о большой роли сторон света в мировосприятии тувинцев, активно осваивавших пространство вокруг. Отсутствие такого количества примеров в англосаксонских поэмах дает основание для вывода о незначительной роли подобных указателей в картине мира, представленной в поэме.

Пространство «свое / чужое»

Помимо членения пространства в системе физических координат в картине мира каждого народа присутствует дихотомия «свой — чужой» как универсальная оппозиция, свойственная мифологическому мировосприятию. Мир делится на свое внутреннее безопасное пространство и внешнее, которое ассоциируется с чужим враждебным (Лотман, 1996: 175). Взаимодействие и взаимное существование этой оппозиции определяется А. К. Байбуриным как способ познания окружающего мира (Байбурин, 1990). Освоение пространства героями эпоса происходит при перемещении в том числе в чужой локус, который, как правило, характеризуется опасными встречами и неопределенностью, оно предстает непонятным и чужеродным.

В структуре оппозиции «свой — чужой» ядерным элементом является дом как смысловой центр. Именно в нем сосредоточен внутренний «свой», от которого начинается отсчет пространственной модели и противопоставление окружающему миру (Стойнова, 2014: 199). Если свое пространство мыслится в образах дома, родной стороны и освоенного ближайшего окружения, то образ «чужого» предстает как безграничный внешний мир, не имеющий четких характеристик, в котором происходит нарушение естественного порядка вещей (Балясникова, 2017).

«Свое» пространство занимает важное место в тувинской культуре и представлено концептом *өг 'юрта'* (Тувинцы ... , 2022: 118–119). В тувинских поэмах и сказаниях ядерными единицами, отражающими понятие «свое» пространство, являются лексемы *өг 'юрта'* (1), *чурт* ‘земля, край’ (2), *аал-коданы* ‘стойбище’, *аал-оран* ‘родной дом’:

(1)	<p>Бо турган улуг тандының ындында Улуг хем бар-дыр. Ол хемниң белдиринде Бир бай аал бар-дыр. Бир чартыында Ак-Хемниң иштинде Бир бай аал тур. Улуг ак өгде Бора-Шээлей ында Үнүп, кирип тур — дээн.</p>	<p>Вот за этой большой горой Есть большая река. Где та река [с другой] сливается, Есть один богатый аал. По другую сторону, на [реке] Ак-Хем, Есть другой богатый аал. Там в большой белой юрте Бора-Шэлей — То заходит [в нее], то выходит оттуда, — сказал (ТГС: 462–463).</p>
(2)	<p><...> Амытан кылаштап чоруурга, Кода-хүрээниң мурнунда...</p>	<p>А в неоглядной Желтой степи С южной стороны ставки-дворца... (ТГС: 274–275).</p>
(3)	<p>Аал-орандан үнгенден бээр...</p>	<p>Выехав из родной земли... (ТГС: 120–121).</p>

В англосаксонском эпосе «свое» пространство маркируется лексемами *ham* ‘дом’, *self ham* ‘свой дом’ (1), *healle* ‘дом, жилище’, *burhloca* ‘крепость’ (2), *eardlufan* ‘родная земля’ (3):

(1)	<p>Swylce ferhðfrecan Fin eft begeat sweordbealo sliðen æt his selfes ham... (Beowulf: 1146–1147).</p>	<p><...> (ютам памятно это лезвие!), от которого Финн лютосердый принял смерть в бою во дворце своем... (Беовульф: 1146–1147).</p>
(2)	<p><...> Higelac Hreþling, þær æt ham wunað selfa mid gesiðum sæwealle neah. Bold wæs betlic, bregorof cyning, heah in healle, Hygd swiðe geong, wis, welþungen, þeah ðe wintra lyt under burhlocan gebiden hæbbe, Hæreþes dohtor... (Beowulf: 1923–1929).</p>	<p><...> к дому Хигелака, сына Хределя, — на приморском холме вождь с дружиной сидел в хоромах. Был дворец тот обширен, владыка могуч, а жена его, Хюгд, и юна, и разумна, и ласкова, хоть и мало зим провела она в этом доме, дочь Хереда... (Беовульф: 1923–1929).</p>
(3)	<p>Nænig heora þohte þæt he þanon scolde eft eardlufan æfre gesecean, folc oþðe freoburh, þær he afeded wæs... (Beowulf: 691–693).</p>	<p><...> из них ни единый не чаял вернуться под кров отеческий, к своим сородичам в земли дальние, их вскормившие... (Беовульф: 691–693).</p>

Локализация чужого мира не имеет четких координат и определяется довольно обобщенно как в тувинском (1), (2), так и в древнеанглийском эпосе (3), (4):

(1)	<...> Ырак оранда, Ус далайның...	<...> Возле моря Ус, В далекой земле... (ТГС: 96–97).
(2)	<...> Ырак эвес чөөн чүкте...	<...> Недалеко [отсюда] — в восточной стороне... (ТГС: 472–473).
(3)	<...> þætette sūð nē nord be saēm twēonum ofer eormengrund oþer naēnig under swegles begong sēlra naēre... (Beowulf: 858-860).	<...> под этим небом — нет другого от моря до моря на юг и на север земли срединной... (Беовульф: 858–860).
(4)	<...> freonda findan; feorcyþde beoð selran gesohte þæm þe him selfa deah (Beowulf: 1838–1839).	<...> к нам наведается, в земли гаутские, встретит он друзей, — страны дальние... (Беовульф: 1838–1839).

Граница перехода из «своего» пространства в «чужое» имеет большое значение в фольклоре и, по мнению Е. Г. Бруновой, обозначалась на ранних этапах развития мышления предметами природного ландшафта, затем специально предназначенными предметами и сооружениями (Брунова, 2007: 34). В анализируемых произведениях граница может обозначаться дверью или порогом дома, а может быть лишь условной пограничной линией и не иметь конкретного означивания. Семиотический статус двери, стены, порога однозначно указывает на пограничность «своего» пространства с потусторонним миром. Например, границей, разделяющей два пространства и определяющей пределы «своего» пространства, могут быть дверь, ворота (*халга*):

Хунан-Кара-даа Карак дырбаш дээриниң аразында Каптаазын алдын хаалганы...	<...> Как тут же Хунан-Кара Золоченые двери-врата Распахнул... (ТГС: 162–163).
--	--

В «Беовульфе» в «свое» пространство героя дома (*recede*) монстр проникает через дверь (*duru*):

Com þa to recede rinc sidian, dreamum bedæled. Duru sona onarn, fyrbendum fæst, syþðan he hire folmum æthran; onbræd þa bealohydig, ða he gebolgen wæs, recedes muþan (Beowulf: 720–724).	Шел ратобитец злосчастный (к смерти). Едва он коснулся рукой когтелопой затворов кованых — упали двери, ворвался пагубный в устье дома, на пестроцветный настил дворцовый ступил (Беовульф: 720–724).
--	--

Чужое пространство возникает по мере удаления от своего, и переход в него отражен зоной пограничья и границы, но фиксированная черта разделения двух сфер присутствует не всегда. Границей обобщенного «своего» пространства выступает в «Беовульфе» дорога китов, берег моря:

(1)	<...> oðþæt him æghwylc þara ymb-sittendra ofer hronrade hyran scolde gomban gyldan... (Beowulf: 9–11).	<...> силой принудил народы заморья дорогой китов дань доставить достойному власти... (Беовульф: 9–11).
(2)	<...> sundwudu söhte secg wísade lagucræftig mon landgemyrcu (Beowulf: 208–209).	<...> числом четырнадцать, и, сам пятнадцатый, опытный кормчий, повел их к морю, к пределам суши (Беовульф: 208–209).

Пространство пограничья может представлять более обширную зону, в нем герой перемещается и осуществляет переход из своего пространства в чужое или обратно. В тувинских сказаниях движение по этому пространству происходит среди гор или по степи (1), в «Беовульфе» — по морю (2):

(1)	Бир улуг таңдының кырынга Үне хап кээрге, Бир улуг сарыг хем , Карак четпес сарыг хову көстүп чыткан.	— Когда на одну высокую гору [Бора] прискакала, Большая желтая река И неоглядная желтая степь показались (ТГС: 352–353).
(2)	<...> nō þær wēgflotan wind ofer yðum síðes getwæfde sægenga fōr flēat fāmigheals forð ofer yðe bundenstefna ofer brim-strēamas þæt hie Gēata clifu ongitan meahon cūþe næssas ... (Beowulf: 1907–1912).	<...> древо моря скользнуло по волнам — и помчалось; ни разу над водами непопутного не было ветра плователем, и летел через хляби соленые прочной сбитый борт по равнине бурь; скалы гаутские показались вблизи, берег знаемый... (Беовульф: 1907–1912).

Граница фиксирует освоенное свое пространство, в котором человек чувствует себя в безопасности. Переход через границу осознается как перемещение в чужое пространство, которое в свою очередь характеризуется как неизведанное и посему сопряжено с опасностями. В древнеанглийской поэме опасность прежде всего подстерегает в море в виде морских чудовищ:

Gesawon ða æfter wætere wyrmcynnes fela, sellice sædracan , sund cunnian, swylce on næshleodum nicras licgean, ða on undernmæl oft bewitigað sorhfulne sið on segrlade, wyrmas ond wildeor (Beowulf: 1425–1430).	<...> спешившись, конники тут же приметили червоподобных подводных чудищ , игравших в зыбях, лежавших на отмели, морских драконов из тех, что часто в час предрассветный парусу путь преграждают в море... (Беовульф: 1425–1430)
---	---

Восприятие пространства в оппозиции «свое», освоенное, знакомое, и «чужое», опасное, враждебное, свойственно и тувинцам, и англосаксам, что находит подтверждение в героических поэмах. В силу разного географического места обитания этносов представления о «чужом» пространстве различаются. У тувинцев «чужая» сторона объективируется в переходах через горы, реки, тайгу. Для англосаксов таким концептуальным пространством является земля за морем.

Величина пространства

Известно, что пространство неотделимо от категории времени и составляет пространственно-временной континуум (Неклюдов, 1972; Топоров, 1983). Что касается фольклорных жанров, то, по мнению В. Я. Проппа, «времени и пространства в фольклоре собственно нет», а «пространство познается в действии (передвижении), время — в абстракции...» (Пропп, 1998: 152).

По этой причине важным архетипом является путь, определяющий не только длительность происходящего действия, но и действительность пространства. Перемещение героев, с одной стороны, позволяет оценить масштабы пространства, с другой стороны, описание окружающего пространства дает представление об условно-исторических и природно-географических реалиях, характерных для этноса. Для кочевого народа, к коим относятся тувинцы, движение определяет образ жизни и является категориальным признаком. В эпической традиции тувинцев путь определяется как странствие героя, в ходе которого совершаются поступки и подвиги, происходит освоение не только физического пространства, но и социально-культурного. В тувинском эпосе путь, как правило, лежит через преграды в виде рек (*хем*), перевалов (*арт*), переправ (*кежиг*), символизирующих опасности. Количество преодоленных героем преград, которое, как правило, имеет сакральный смысл (Бредис, 2023), дает представление о масштабах пройденного пути и обширности окружающих просторов:

(1)	<...> Чеди хем кежир, Чеди артты ажыр ...	<...> Тот семь рек пересек , Семь перевалов перевалил ... (ТГС: 102–103).
(2)	<...> Тос хемни кежип , Тос артты ажып алгаш...	Девять рек пересек , Девять перевалов перевалил (ТГС: 204–205).

Для англосаксов как опытных мореплавателей часто путь — это путешествие по морю. Но в «Беовульфе» пространство, преодолеваемое героем по морю, не дает представления о его масштабах. Мы лишь наблюдаем перемещение из одного локуса в другой. Например, в путешествии Беовульфа к данам по морю фиксируются отплытие корабля, а затем его встреча в Хеороте у геатов:

<...> flota wæs on yðum, bat under beorge. Beornas gearwe on stefn stigon. <...> guman út scufon weras on wilsíð wudu bundenne. Gewát þá ofer waégholm winde gefýsed flota fámíheals fuge gelícost	<...> корабль в заливе вблизи утесов их ждал на отмели; они вступили на борт, воители <...> потом отчалил , и в путь желанный понес дружину морской дорогой конь пеногрудый с попутным ветром, скользя, как птица, по-над волнами, — лишь день и ночь драконоголовый летел по хлябям, когда наутро земля открылась — гористый берег,
---	---

<p>oð þæt ymb ántid óþres dógores wundenstefna gewaden hæfde þæt ða líðende land gesáwon, brimclifu blícan, beorgas stéape side saénæssas þá wæs sund liden éoletes æt ende (Beowulf: 210–224).</p>	<p>белые скалы, широкий мыс, озаренный солнцем, — они достигли границы моря (Беовульф: 210–224).</p>
--	---

По мнению Е. А. Мельниковой, промежуточное пространство в поэме не заполнено героическими действиями, поэтому оно сжимается и концентрируется в пределах королевского дворца (Мельникова, 1987: 89). Но стоит отметить измерение расстояния в милях (*milgearnas*), которое встречается в поэме при описании места обитания Гренделя:

<p><...> Nis þæt feor heonon milgearnas þæt se mere standeð; ofer þæm hongiað hrinde bearwas, wudu wurtum fæst wæter oferhelmað. þær mæg nihta gehwæm niðwundor seon, fyr on flode. No þæs frod leofað gumena bearna, þæt þone grund wite... (Beowulf: 1361–1366).</p>	<p><...> и там (недалеко на расстоянии нескольких миль. — <i>Авт.</i>), где стремнина гремит в утесах, поток подземный, и там, где, излившись, он топь образует на низких землях; сплетает корни заиндевелая темная чаша над теми трясинами, где по ночам объявляется чудо — огни болотные; и даже мудрому тот путь заказан... (Беовульф: 1361–1366).</p>
---	--

Принципиальное значение для освоения пространства и взаимодействия с окружающим миром имеет движение, которое является компонентом пространственных отношений и выражается глаголами движения. В тувинском эпосе наблюдаются глаголы *базар* ‘шагать’, *халыыр* ‘прыгать’, *ужу-дар* ‘мчаться’, *чоруур* ‘ехать’:

<p>Арзылаң-Кара аъдын мунган Хунан-Кара мөге-даа База-ла ужудуп-халыдып чоруп-ла берип-тир эвеспе аан.</p>	<p>И Хунан-Кара-моге На коне Арзылан-Кара Тоже [в путь] отправился — Помчался-понесся, оказывается (ТГС: 128–129).</p>
---	---

В поэме «Беовульф» наряду с глаголами движения по суше — *gangan* ‘идти, ехать’ (1), *ge-wadan* ‘продвигаться’ (2), *tredan* ‘идти’, *ridan* ‘ехать верхом’ (3), *ge-sécan* ‘приходить, посещать’ (4), *gewitan* ‘уезжать, покидать’ (5), встречаются глаголы движения по морю — *rōwan* ‘грести, плыть по воде’, *flēotan* ‘плыть’, *ofer-swimman* ‘плыть’:

(1)	<...> gang ofer grundas, þær heo gegnum for ofer myrcan mor... (Beowulf: 1404–1405).	Ног отпечатки, тропа тореная вела по равнине, путь указуя в лесную чашу, к сумрачным топям... (Беовульф: 1404–1405).
(2)	Da him Hroþgar gewat mid his hæleþa gedryht, eodur Scyldinga, ut of healle... (Beowulf: 662–663).	Хродгар вышел , за ним дружина, опора Скильдингов, прочь из зала... (Беовульф: 662–663).
(3)	Him Beowulf þanan, guðrinc goldwłanc, græsmoldan træd since hremig; sægenga bad agendfreat, se þe on ancre rad (Beowulf: 1880–1883).	Вышел Беовульф из хором на луга, славным радуясь золотым дарам (а уж конь морской ждал хозяев, корабль на якорю) (Беовульф: 1880–1883).
(4)	<...> þanon he gesohte Sudðena folc ofer yða gewealc, Arscyldinga... (Beowulf: 463–464).	<...> бежал он от мести к нам, за море, под руку Скильдингов, в пределы датские... (Беовульф: 463–464).
(5)	<...> him on bearne læg madma mænigo, þa him mid scoldon on flodes æht feor gewitan ... (Beowulf: 40–42).	<...> всё — самоцветы, оружие, золото — вместе с властителем будет скитаться по воле течений (Беовульф: 40–42).
(6)	<...> þæt wit on gársecg út aldrum néðdon ond þæt geæfndon swá. Hæfdon swurd nacod þá wit on sund reón ... (Beowulf: 537–539).	<...> еще недоростками!), взапуски плавать в открытых водах (Беовульф: 537–539).
(7)	Nó hé wiht fram mé flóðþum feor fléotan meahthe hraþor on holme nó ic fram him wolde (Beowulf: 541–543).	Сил не достало ему тягаться со мной на быстринах , но я не покинул его... (Беовульф: 541–543)
(8)	Oferswam ða sioleða bigong sunu Ecgðeowes, earn anhaga, eft to leodum; þær him Hygd gebead hord ond rice... (Beowulf: 2367–2369).	С недоброй вестью он, одинокий, приплыл , сын Эггтеова, к земле отеческой, и Хюгд поклонилась ему дружиной, казной и престолом... (Беовульф: 2367–2369)

Определение величины пространства временем перемещения возможно лишь условно, долгой пути, который преодолевают герои. Измерение осуществляется обычными для эпоса единицами времени (1) и перечислением преодоленных мест по пути следования (2).

(1)	<...> Айлык-чылдыкка чоруп олуарга...	Проделав путь В месяц-год... (ТГС: 128–129).
(2)	Дүнде дүн-даа чок, Хүнде хүн-даа чок Ужудуп-халыдып чоруп орган иргин ийин.	День не день, Ночь не ночь — Мчался-скакал (ТГС: 236–237).
(3)	<...> Хунан-Кара-даа Дүнде дүн чок, Хүнде хүн чок, Ужудуп-ла орган иргин ийин. Айын айлады чоруп олуарга...	<...> Хунан-Кара Помчался — Ночь не ночь, День не день. Месяц ехал <...> (ТГС: 140–141).
(4)	Тос хемни кежип, Тос артты ажып алгаш.	Девять рек пересек, Девять перевалов перевалил (ТГС: 204–205).

В поэме «Беовульф» наблюдаются лишь незначительные пространственно-временные маркеры, несмотря на то, что герои преодолевают большие расстояния по морю, и предъявление времени такого путешествия давало бы представление о величине пространства. Путешествие воинов Хигелака через моря заняло лишь день (1), расстояние между двумя королевствами в соревновании Беовульфа и Бреки заняло пять ночей (2), сто лет (*hund missera*) Беовульф погружается в подводное логово (3):

(1)	Beornas gearwe on stefn stigon; streamas wundon, sund wiðsande; <...> Gewat þa ofer wægholm, winde gefysed, flota famiheals fugle gelicost, oðræt ymb antid oþres dogores wundenstefna gewaden hæfde þæt ða liðende land gesawon... (Beowulf: 211–221).	<...> и в путь желанный понес дружину морской дорогой конь пеногрудый с попутным ветром, скользя, как птица, по-над волнами, — лишь день и ночь драконоголовый летел по хлябям, когда наутро земля открылась... (Беовульф: 211–221).
(2)	Da wit ætsomne on sæ wæron fif nihta fyrst, oþræt unc flod todraf, wado weallende, wedera cealdost, nipende niht, ond norþanwind heaðogrim ondhwearf... (Beowulf: 544–548).	<...> вместе держались в опасных водах, рядом плыли пятеро суток... (Беовульф: 544–548).
(3)	Sona þæt onfunde se ðe floda begong heorogifre beheold hund missera... (Beowulf: 1497–1498).	Ко дну он канул (был переходу дневному равен путь через бездну, а там злобесная, вод владычица, бурь хозяйка встретила, лютая, героя... (Беовульф: 1497–1498).

Таким образом, размеры пространства, которое преодолевают герои эпоса, представлены в частности указанием времени, в течение которого герой находится в пути, и количества преград, встающих у него на пути. Однако необходимо отметить, что географические условия обитания этих народов дают нам возможность наблюдать, как по-разному отражается величина преодолеваемого пространства в поэмах. Такие наблюдения позволяют составить цельную пространственную модель каждого этноса, представленную в героических поэмах.

Заключение

Исследование пространственных представлений у народов с различной геополитической, культурной и религиозной историей позволило прийти к заключению о наличии как общих черт, так и особенностей в мировосприятии. Фольклорные произведения как памятники культурного наследия дают возможность установить этноидентифицирующие маркеры, в частности, характерные черты пространственных моделей.

Пространственная модель в горизонтальных и вертикальных осях присутствует в обоих эпосах, но в тувинском эпосе такая ориентация отмечена многочисленными примерами, что свидетельствует о большом значении таковой в картине мира тувинцев. Отмечены также свойственные тувинскому этносу обозначения координатных осей в соответствии с частями тела.

Трихотомическая модель мира свойственна традиционному мировоззрению и тувинцев, и англосаксонских племен. Установлено деление пространства на три уровня — небо, земля и подземелье, что соответствует в тувинском эпосе Верхнему, Среднему и Нижнему мирам, в англосаксонском представлении — небу, земле и аду. Пространство Среднего мира в обоих эпосах является условно-реальным, оно отражает географические реалии окружающего мира в соответствии с местом обитания народа. По этой причине прослеживается разница в описании ландшафтных объектов. В тувинских сказаниях на первый план выступают горы, степи, реки, равнины, обозначаемые многочисленными лексемами с коннотативными оттенками.

В древнеанглийской поэме можно выделить такие объекты, как море, берег, прибрежные скалы. Обилие наименований «моря» и «земли» говорит о важном значении этих пространственных объектов в модели мира англосаксов.

Мифические пространства Верхнего и Нижнего миров имеют расплывчатую организованность и слабо структурированы в силу своего происхождения. В изученных поэмах наблюдаются области совпадения в восприятии мифических пространств неба как места обитания всевышних сил и подземного мира как царства мертвых. Однако представления об обитателях подземного мира отличаются в силу географического местоположения. Отдельные черты Среднего мира присутствуют в обоих мифических пространствах, поскольку происходит наделение их теми чертами, которые в реальных условиях наблюдаются на территории проживания этноса.

Пространственная ориентация по сторонам света разнообразно представлена в тувинском эпосе в виде направлений движения, указания местоположения. Отличительной чертой является тот факт, что каждая сторона света в тувинских текстах символично связана с определенным цветом. Единичные примеры употребления наименований сторон света в «Беовульфе» свидетельствует о несущественной роли этого пространственного элемента в картине мира англосаксов.

Важная универсальная дихотомия «свое пространство — чужое пространство» имеет отражение в обоих эпосах и имеет одинаково структурированное выражение. Однако наблюдаются различия в отражении границы и зоны пограничья.

Примеры репрезентации пространства параметрами времени движения и глаголами движения показали, насколько разнообразно и искусно определяется мифологическое пространство в эпических произведениях. Образ пути является постоянным элементом сюжетной канвы поэм, и по этой причине его лексическое выражение позволяет определить ему важное место в структуре пространственной модели как отражателя масштабов пространства.

Данное исследование не является исчерпывающим, поскольку рамки статьи ограничивают анализ только некоторыми характеристиками пространственных отношений, что, в свою очередь, открывает горизонты дальнейших сравнительных исследований эпических произведений различных этносов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбурин, А. К. (1990) Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: проблемы реконструкции фактов традиционной культуры : сб. науч. трудов / отв. ред. Б. Н. Путилов. Л. : Наука. 231, [2] с. С. 3–17.
- Балясникова, О. В. (2017) «Свой — чужой»: психолингвистические аспекты исследования (на материале русского языка). М. : Канцлер. 202 с.
- Бредис, М. А. (2023) Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 228–242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>
- Брунова, Е. Г. (2007) Представления о своей земле в английском языке и культуре // Вестник Челябинского государственного университета. № 15. С. 33–42.
- Гвоздецкая, Н. Ю. (2010) Концепт «путь» в поэтическом творчестве англосаксов (VII–XI вв.) // Древнейшие государства Восточной Европы, 2009 год: трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен : материалы и исследования / отв. ред. Т. Н. Джаксон. М. : Индрик. 496 с. С. 345–361.
- Гребнев, Л. В. (1960) Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М. : Восточная литература. 145 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск : Наука. 162, [2] с.
- Кононов, А. Н. (1978) Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975 / отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Наука ; ГРВЛ. 279 с. С. 159–179.
- Кравченко, А. В. (2004) Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. 2-е изд., испр. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та. 206 с.
- Кравченко, Е. В. (2022) Семантическое развитие слов в эпическом нарративе: на примере обозначений моря в «Беовульфе» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 4, ч. 2. С. 166–185. DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-166-185>
- Лотман, Ю. М. (1996) Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М. : Языки русской культуры. 464 с.
- Львова, Э. Л., Октябрьская, И. В., Сагалаев, А. М., Усманова, М. С. (1988) Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние. 225 с.
- Мелетинский, Е. М. (1975) Скандинавская мифология как система // Труды по знаковым системам, VII. Памяти Петра Григорьевича Богатырева / отв. ред. З. Минц. Тарту. 308 с. С. 38–51. (Уч. зап. Тартусского гос. ун-та. Вып. 365).
- Мелетинский, Е. М. (1976) Поэтика мифа. М. : Наука. 407 с.
- Мельникова, Е. А. (1987) Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе. М. : Мысль. 203, [2] с.
- Невская, И. А. (2005) Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск : Ника. 305 с.
- Неклюдов, С. Ю. (1972) Время и пространство в былинне // Славянский фольклор / отв. ред. Б. Н. Путилов, В. К. Соколова. М. : Наука. 328 с. С. 18–45.
- Неклюдов, С. Ю. (2000) Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М. : АИРО-XX. 216 с. С. 17–38.
- Неклюдов, С. Ю. (2019) Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М. : Индрик. 592 с.
- Октябрьская, И. В. (2012) Путь через перевалы. Концепция пути в фольклорно-поэтической традиции Алтая // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (37). С. 325–334.
- Ондар, В. С. (2016) Отражение категории пространства в тувинском языке (на материале героического эпоса «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (56) : в 2-х ч. Ч. 2. С. 129–134.
- Орус-оол, С. М. (2001) Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). М. : МАКС Пресс. 424 с.
- Подосинов, А. В. (1999) Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М. : Языки русской культуры. 720 с.
- Пропп, В. Я. (1998) Поэтика фольклора / сост., предисл. и комм. А. Н. Мартыновой. М. : Лабиринт. 352 с.
- Пухов, И. В. (2004) Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо / послесл. и коммент. В. М. Никифорова. Якутск : Изд-во СО РАН, Якут. филиал. 328 с.

Семенова, Л. Н. (2006) Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетики. СПб. : Петербургское востоковедение. 232 с.

Смирницкая, О. А. (1982) Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия / отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. М. : Наука. 320 с. С. 171–232.

Смирницкая, О. А. (2008) Два предания о первых поэтах: Кэдмон и Браги // Смирницкая О. А. Избранные статьи по германской филологии. М. : МАКС Пресс. 470, [1] с. С. 324–345.

Стоянова, Е. (2014) Языковая личность и восприятие мира в терминах дихотомии свой — чужой (на материале русской и болгарской фразеологии с компонентом 'дом / структурные элементы дома') // Verbum. Т. 5. С. 195–204. DOI: <http://doi.org/10.15388/Verb.2014.5.5008>

Токмашев, Д. М. (2012) Категория пространства в шорском героическом эпосе: лингвокультурологический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 3 (19). С. 40–58.

Топоров, В. Н. (1983) Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. М. : Наука. 302 с. С. 227–285.

Топоров, В. Н. (2010а) Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. М. : Рукописные памятники Древней Руси. Т. 1. 448 с.

Топоров, В. Н. (2010б) Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. М. : Рукописные памятники Древней Руси. Т. 2. 496 с.

Топорова, Т. В. (1994) Семантическая структура древнегерманской модели мира. М. : Радикс. 190 с.

Тувинцы: родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

Хертек, Л. Д. (2018) Концепт «пространство» в эпической картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6–2 (84). С. 402–407. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.46>

Elden, S. (2009) Place symbolism and land politics in “Beowulf” // Cultural Geographies. Vol. 16, no. 4. P. 447–463.

Nagler, M. N. (1980) “Beowulf” in the context of myth // Old English literature in context: Ten essays / ed. by J. D. Niles. Cambridge : D. S. Brewer ; Totowa, NJ : Rowman & Littlefield. 184 p. P. 143–156.

Niles, J. D. (2016) Old English literature: A guide to criticism with selected readings. Chichester, West Sussex, Malden, MA : Wiley-Blackwell. xv, 336 p.

Дата поступления: 08.06.2023 г.

Дата принятия: 12.07.2023 г.

REFERENCES

Baiburin, A. K. (1990) Ritual: svoe i chuzhoe [Ritual: One's own and the different]. In: *Fol'klor i etnografiia: problemy rekonstruktsii faktov traditsionnoi kul'tury [Folklore and ethnography: Issues of reconstruction of the facts of traditional culture]* : A collection of research articles / ed. by B. N. Putilov. Leningrad, Nauka. 231, [2] p. Pp. 3–17. (In Russ.).

Baliasnikova, O. V. (2017) «Svoi — chuzhoi»: psikholingvisticheskie aspekty issledovaniia (na materiale russkogo iazyka) [“One's own — the unfamiliar”: Psycholinguistic aspects of research (a case study of the Russian language)]. Moscow, Kantsl'er. 202 p. (In Russ.).

Bredis, M. A. (2023) Simvolika chisla deviat' v tuvinskoi lingvokul'ture (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov) [Symbolism of the number nine in Tuvan linguoculture (as compared to some Turkic and Mongolian languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–242. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Brunova, E. G. (2007) Predstavleniia o svoei zemle v angliiskom iazyke i kul'ture [Visions of their own land in the English language and culture]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 15, pp. 33–42. (In Russ.).

Gvozdetskaya, N. Yu. (2010) Kontsept «put'» v poeticheskom tvorchestve anglosaksov (VII–XI vv.) [The concept of “path” in the poetic works of the Anglo-Saxons (7–11th c.)]. In: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2009 god: transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sotsiokul'turnyi fenomen : materialy i issledovaniia [The earliest states of Eastern Europe. 2009: Transcontinental and local ways as a socio-cultural phenomenon]* / ed. by T. N. Jackson. Moscow, Indrik. 496 p. Pp. 345–361. (In Russ.).

Grebnev, L. V. (1960) Tuvinskii geroicheskii epos (opyt istoriko-etnograficheskogo analiza) [Tuvan heroic epos (experience of historical and ethnographic analysis)]. Moscow, Vostochnaia literatura. 145 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1987) *Obriadovaia praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva. Konets XIX — nachalo XX v. [Ritual practice and folklore of Tuvan shamanism. Late 19th — early 20th century]*. Novosibirsk, Nauka. 162, [2] p. (In Russ.).

Kononov, A. N. (1978) Semantika tsvetooboznachenii v tiurkskikh iazykakh [Semantics of color designations in the Turkic languages]. In: *Tiurkologicheskii sbornik 1975 [Turkological collection, 1975]* / ed. by A. N. Kononov. Moscow, Nauka; Chief Editorial Board of Oriental Literature. 279 p. Pp. 159–179. (In Russ.).

Kravchenko, A. V. (2004) *Iazyk i vospriatie: kognitivnye aspekty iazykovoï kategorizatsii [Language and perception: Cognitive aspects of language categorization]*. 2nd ed., revised. Irkutsk, Irkutsk State University Publ. 206 p. (In Russ.).

Kravchenko, E. V. (2022) Semanticheskoe razvitie slov v epicheskom narrative: na primere oboznachenii moria v «Beovul'fe» [Semantic development of words in epic narration. The use of synonyms for sea in “Beowulf”]. *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, no. 4, part 2, pp. 166–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-166-185>

Lotman, Yu. M. (1996) *Vnutri mysl'nykh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriia [Inside the thinking worlds. Man — text — semiosphere — history]*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 464 p. (In Russ.).

Lvova, E. L., Oktyabrskaya, I. V., Sagalaev, A. M. and Usmanova, M. S. (1988) *Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [The traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Space and time. Material world]*. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 225 p. (In Russ.).

Meletinsky, E. M. (1975) Skandinavskaiia mifologiiia kak sistema [Scandinavian mythology as a system]. In: *Trudy po znakovym sistemam, VII. Pamiati Petra Grigor'evicha Bogatyreva [Works on sign systems, VII. In memory of Pyotr Grigoryevich Bogatyrev]* / ed. by Z. Mints. Tartu. 308 p. Pp. 38–51. (Scholarly Notes of Tartu State University. Issue 365). (In Russ.).

Meletinsky, E. M. (1976) *Poetika mifa [The poetics of myth]*. Moscow, Nauka. 407 p. (In Russ.).

Melnikova, E. A. (1987) *Mech i lira: anglosaksonskoe obshchestvo v istorii i epose [Sword and lyre: Anglo-Saxon society in history and epic]*. Moscow, Mysl'. 203, [2] p. (In Russ.).

Nevskaia, I. A. (2005) *Prostranstvennye otnosheniia v tiurkskikh iazykakh Iuzhnoi Sibiri (na materiale shorskogo iazyka) [Spatial relations in the Turkic languages of Southern Siberia (a case study of the Shor language)]*. Novosibirsk, Nika. 305 p. (In Russ.).

Nekliudov, S. Yu. (1972) Vremia i prostranstvo v byline [Time and space in bylina]. In: *Slavianskii fol'klor [Slavic folklore]* / ed. by B. N. Putilov and V. K. Sokolova. Moscow, Nauka. 328 p. Pp. 18–45. (In Russ.).

Nekliudov, S. Yu. (2000) Struktura i funktsiia mifa [Structure and function of the myth]. In: *Mify i mifologiiia v sovremennoi Rossii [Myths and mythology in contemporary Russia]* / ed. by K. Eimermacher, F. Bomsdorf and G. Bordiugov. Moscow, AIRO-XX. 216 p. Pp. 17–38. (In Russ.).

Nekliudov, S. Yu. (2019) *Fol'klorni landshaft Mongolii. Epos knizhnyi i ustnyi [Folklore landscape of Mongolia. Literary and oral epic]*. Moscow, Indrik. 592 p. (In Russ.).

Oktyabrskaya, I. V. (2012) Put' cherez perevaly. Kontseptsiiia puti v fol'klorno-poeticheskoi traditsii Altaia [The way through the passes. The concept of the way in the folklore and poetic tradition of Altai]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 3 (37), pp. 325–334. (In Russ.).

Ondar, V. S. (2016) Otrazhenie kategorii prostranstva v tuvinskom iazyke (na materiale geroicheskogo eposa «Boktug-Kirish, Bora-Sheeleei») [Reflection of the category of space in the Tuva language: The case of the “Boktu-Kirish, Bora-Sheeleei” heroic epic]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2 (56) : in 2 parts. Part 2, pp. 129–134. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2001) *Tuvinskie geroicheskie skazaniia (tekstologiiia, poetika, stil') [Tuva heroic legends (textual criticism, poetics and style)]*. Moscow, MAKS Press. 424 p. (In Russ.).

Podosinov, A. V. (1999) *Ex oriente lux! Orientatsiia po stranam sveta v arkhaiskikh kul'turakh Evrazii [Ex oriente lux! Orientation on cardinal directions in archaic cultures of Eurasia]*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 720 p. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1998) *Poetika fol'klora [The poetics of folklore]* / coll., foreword and comm. by A. N. Martynova. Moscow, Labirint. 352 p. (In Russ.).

Pukhov, I. V. (2004) *Geroicheskii epos altae-saianskikh narodov i iakutskie olonkho [Heroic epic of the Altai-Sayan peoples and the Yakut olonkho]* / afterword and comm by V. M. Nikiforov. Yakutsk, Siberian Branch of the RAS. 328 p. (In Russ.).

Semenova, L. N. (2006) *Epicheskii mir olonkho: prostranstvennaia organizatsiia i siuzhetika. [The epic world of Olonkho: Spatial organization and plot]*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. 232 p. (In Russ.).

Smirnitkaia, O. A. (1982) Poeticheskoe iskusstvo anglosaksov [The poetic art of the Anglo-Saxons]. In: *Drevneangliiskaia poeziia [Old English poetry]* / ed. by M. I. Steblin-Kamenskii. Moscow, Nauka. 320 p. Pp. 171–232. (In Russ.).

Smirnitskaia, O. A. (2008) Dva predaniia o pervykh poetakh: Kedmon i Bragi [Two legends about the first poets: Caedmon and Bragi]. In: Smirnitskaia, O. A. *Izbrannye stat'i po germanskoi filologii* [Selected articles on Germanic philology]. Moscow, MAKS Press. 470, [1] p. Pp. 324–345. (In Russ.).

Stojanova, E. (2014) Iazykovaia lichnost' i vospriatie mira v terminakh dikhotomii svoi — chuzhoi (na materiale russkoi i bolgarskoi frazeologii s komponentom 'dom / strukturnye elementy doma') [Linguistic personality and perception of the world in terms of the friend / foe dichotomy (a case study of Russian and Bulgarian phraseology with the component 'house / structural elements of the house')]. *Verbum*, vol. 5, pp. 195–204. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.15388/Verb.2014.5.5008>

Tokmashev, D. M. (2012) Kategoriia prostranstva v shorskom geroicheskom epose: lingvokul'turologicheskii aspekt [Category of space in shor heroic epos: Aspects of language and culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 3 (19), pp. 40–58. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1983) Prostranstvo i tekst [Space and text]. In: *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and structure] / ed. by T. V. Tsivian. Moscow, Nauka. 302 p. Pp. 227–285. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2010a) *Mirovoe derevo: universal'nye znakovye komplekсы* [The world tree: Universal sign complexes]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi. Vol. 1. 448 p. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2010b) *Mirovoe derevo: universal'nye znakovye komplekсы* [The world tree: Universal sign complexes]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi. Vol. 2. 496 p. (In Russ.).

Toporova, T. V. (1994) *Semanticheskaia struktura drevnegermanskoi modeli mira* [Semantic structure of the ancient Germanic model of the world]. Moscow, Radiks. 190 p. (In Russ.).

Tuvintsy: rodnye liudi [Tuvans: Native people] (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy ; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 360 p. (In Russ.).

Khertek, L. D. (2018) Kontsept «prostranstvo» v epicheskoi kartine mira [The concept “space” in the epic world view]. *Philology. Theory & Practice*, no. 6–2 (84), pp. 402–407. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.46>

Elden, S. (2009) Place symbolism and land politics in “Beowulf”. *Cultural Geographies*, vol. 16, no. 4, pp. 447–463.

Nagler, M. N. (1980) “Beowulf” in the context of myth. In: *Old English literature in context: Ten essays* / ed. by J. D. Niles. Cambridge, D. S. Brewer; Totowa, NJ, Rowman & Littlefield. 184 p. Pp. 143–156.

Niles, J. D. (2016) *Old English literature: A guide to criticism with selected readings*. Chichester, West Sussex, Malden, MA, Wiley-Blackwell. xv, 336 p.

Submission date: 08.06.2023.

Acceptance date: 12.07.2023.